

Благодаря присутствию Жунмяня, гон проходил легче, чем обычно, но Линван всё равно чувствовал странную усталость: тело требовало сна, а возбужденный мозг не давал покоя. В итоге он просто свернулся калачиком на диване под пледом. Жунмянь выпустил еще немного феромонов, создавая для него «безопасную зону», и Линван наконец крепко уснул.

Глядя на мирно сопящего альфу, Жунмянь отпил сока. Его браслет завибрировал. Чтобы не разбудить Линвана, он ушел в спальню и плотно закрыл дверь. Это был видеозвонок от отца. Жунмянь раздвинул шторы, впуская в комнату дневной свет, и принял вызов. На экране появилось суровое лицо Маршала Чу.

Тот первым же делом оглядел фон: — Ты где это?

Он понял, что сын в спальне, но не узнавал интерьер. С тех пор как Жунмяню исполнилось десять, Маршал уважал его частную жизнь и редко заходил в его комнаты.

— В квартире в Башне, пап. Что случилось? — спокойно ответил Жунмянь.

— Семестр окончен. Почему ты до сих пор не дома? — отец явно пришел с допросом.

— Хочу немного отдохнуть, через пару дней приеду. Не волнуйся, я не делаю ничего предосудительного, — Жунмянь понимал, что дома он снова окажется под колпаком, а здесь у него была долгожданная свобода. К тому же он не мог бросить Линвана в разгар гона.

— Главное — не влипай в неприятности. И еще: я слышал от старого Бая, что ты приводил своего парня в тот район. Почему не зашел домой? — Маршал едва сдерживал обиду. Проехать мимо родного дома и не зайти — это был удар по самолюбию.

— Он пока просто мой парень. Когда дело дойдет до свадьбы, тогда и познакомлю. А к дяде Баю мы зашли случайно, не накручивай себя. Линван очень нравится старшим, уверен, дядя Бай тебе все уши прожужжит.

Маршал не нашелся что возразить и просто буркнул: — Возвращайся скорее.

— Знаю-знаю, — Жунмянь отвечал покладисто, понимая, что злить отца сейчас — только подливать масла в огонь.

— И не забывай навещать папу.

На этом связь прервалась. Жунмянь остался сидеть на кровати.

Он до сих пор не понимал, почему его родители развелись. Оба из знатных семей, оба ослепительно красивы. Отец — кремень, никогда не давал поводов для ревности. Было очевидно, что они до сих пор любят друг друга. «Если любите — будьте вместе», — рассуждал Жунмянь со свойственной ему юношеской прямоотой. Неужели штамп в паспорте так всё портит? Он тряхнул головой, отгоняя лишние мысли.

Линван проснулся только к трем часам дня. Увидев Жунмяня в наушниках за игрой, он подошел поближе и заглянул через плечо.

— О, я тоже в это играл, — сказал он, уютно пристраиваясь рядом.

Когда Сюй Линван уснул, Чу Жунмянь перестал выпускать феромоны. Линван завозился во сне

и придвинулся ближе, так что они оказались почти вплотную друг к другу.

Альфа лениво чмокнул его.

— Не надо целовать меня каждую секунду, — Жунмянь бросил на него взгляд, но сердитым не выглядел.

Вечером Жунмянь заказал доставку из частного ресторана, и они вдвоем насладились тихим ужином.

За окном всё еще шел снег. Линван ответил на сообщение из дома, предупредив, что у него начался гон. Семья велела ему возвращаться только тогда, когда всё закончится.

Линван коротко подтвердил получение. Ему очень нравилось кресло-качалка у панорамного окна, но сейчас его занял Жунмянь.

Тот медленно покачивался с книгой в руках. Линван глянул на обложку — сборник стихов. Это его удивило.

— Ты любишь поэзию?

Жунмянь: — Просто убиваю время. Иногда читать стихи довольно любопытно. Мне нравятся разные мысли авторов: мир в их глазах всегда становится интереснее, будто у самой жизни вырастают щупальца.

Линван задумчиво хмыкнул: — Оригинальное сравнение.

Это была лишь мимолетная фантазия Жунмяня — он вовсе не был утонченным эстетом, и Линван не придавал этому значения.

Они запустили игру через проектор, и Жунмянь заметил, что Линван жметя к нему еще сильнее, чем обычно.

Когда партия закончилась, была уже глубокая ночь. Звукоизоляция в Башне была идеальной: без звуков игры вокруг воцарилась такая тишина, будто во всей вселенной остались только они двое.

Линван обнял Жунмяня со спины за талию, практически вплавляя его в себя. Его губы замерли у самой железы, и он едва слышно спросил:

— Можно?

Жунмянь принял во внимание его состояние. После утреннего безумия Линван выглядел куда адекватнее, но чтобы ночь прошла спокойно, омега кивнул.

Правда, в его голосе прозвучала нотка жалобы:

— Кусай, но не слишком сильно. С утра там всё еще опухшее.

У Линвана перехватило дыхание. Он внимательно осмотрел шею Жунмяня, убрав золотистые пряди:

— А где еще, кроме этого места, у тебя припухло?

Жунмянь промолчал. Вопрос Линвана заставил его смутиться — по тону было ясно, что альфа спрашивает с подтекстом.

— Я буду нежнее, — прошептал Линван и коснулся его шеи очень мягким поцелуем.

Он медленно прикусил железу, выпуская мощную порцию феромонов.

Аромат текилы дурманил голову. Ощущение того, как феромоны проникают в железу, заставило Жунмяня обмякнуть и невольно задрожать.

Линван перехватил его руку, властно подавляя любую попытку отстраниться. Золотые волосы Жунмяня чуть взмокли, он беззвучно приоткрыл рот, словно хотел что-то сказать, но не нашел сил.

Наконец Линван отстранился, тяжело дыша.

Он убрал руку, и без его поддержки Жунмянь едва не соскользнул с дивана. Линван тут же подхватил его.

В голубых глазах омеги дрожали слезы.

Линван посмотрел на него, его кадык судорожно дернулся:

— У тебя совсем нет сил. Я отнесу тебя в кровать.

Прежде чем Жунмянь успел возразить, мир перевернулся, и он оказался на кровати под теплым одеялом.

Линван закрыл окно и с некоторым колебанием присел на край постели.

— Можно мне взять какую-нибудь твою вещь? Из одежды?

Жунмяня будто током ударило: — ...

Он сразу вспомнил их дневной разговор и посмотрел на Линвана как на извращенца.

— Иначе я буду слишком сильно нервничать.

«Это он сейчас на жалость давит, да?» — прокричал внутренний голос Жунмяня.

— Ладно, возьми что-нибудь, — нехотя буркнул он.

Линван вежливо взял футболку и ушел.

«И какой толк от этой вежливости сейчас?» — подумал Жунмянь. Когда дверь закрылась, он перевернулся на живот, но тут же охнул от боли в шее и груди.

Он потрогал свою железу. Течка еще не пришла, а его уже искусали так, что живого места нет — сколько же феромонов в него вкачал этот альфа?

Беспокоясь о следах на шее, он вскочил и подбежал к зеркалу. Выглядело так, будто его атаковал рой очень агрессивных комаров.

Тем временем Линван положил футболку Жунмяня рядом с подушкой. После временной метки

он чувствовал себя удовлетворенным, а слабый запах персика, исходивший от ткани, дарил ему покой.

Энергия была ключом — сказался долгий дневной сон, так что спать совсем не хотелось.

Осознание того, что он находится в доме своего омеги и они совсем рядом, приводило альфу в восторг.

Линван почувствовал жажду. Он знал, что это не обычное желание попить — это была жажда обладания. Утром он кусал Жунмяня по-настоящему сильно, но просто не мог остановиться.

Хотелось проглотить его.

Поглотить целиком.

Линван почувствовал, как по телу снова разливается жар, а едва утихшее возбуждение возвращается с новой силой.

Он зашел в ванную. На руках вздулись вены, капли воды стекали по коже.

Спустя приличное время Линван вернулся в постель и закрыл глаза. Он заставил себя думать о чем-то приземленном. Вспомнил учебник по «Военной аналитике», засунутый в чемодан. В голове начала выстраиваться тактическая карта: он стал моделировать сражения, просчитывать ходы.

Сюй Линван выбрал факультет командования, потому что ему действительно это нравилось: чувство контроля над ситуацией и азарт управления чужими действиями.

Поначалу он чувствовал себя чужим в этом мире, между ним и реальностью была невидимая стена.

Он слегка улыбнулся, вспомнив слова Жунмяня про снег в коробке. Эта фраза зацепила его.

В начале своего пути здесь он и правда будто смотрел на снегопад из коробки.

Но шаг за шагом связи крепились. Он нашел свои «якоря» в этом мире и нашел то, что ему по-настоящему интересно.

Гон длился около пяти дней. После первого всплеска, когда он плохо контролировал себя, Линван быстро вернул себе хладнокровие.

Правда, он стал невероятно прилипчивым: куда шел Жунмянь, туда и он.

Жунмянь чувствовал себя так, будто у него вырос хвост, а из дома выйти было невозможно.

Стоило ему собраться на улицу, как Линван начинал буквально фонить феромонами, требуя идти вместе. Жунмянь был уверен: если они выйдут вдвоем, их обоих заберет полиция за нарушение общественного порядка.

Такого позора он бы не вынес.

Они сидели на диване и смотрели кино.

Запах текилы всегда был резким, и чтобы успокоить Линвана, Жунмяню приходилось

постоянно выпускать свои персиковые феромоны.

Впрочем, ни один из них не следил за сюжетом фильма.

— Хочу тебя поцеловать.

Линван внезапно навис над ним, прижимая к дивану. Пока он целовал его, его пальцы бесцеремонно забрались под край одежды. От жара его ладоней кожа Жунмяня моментально вспыхнула.

— Целуй сколько влезет, но зачем руки-то распускать?! — Жунмянь почувствовал, как его пресс беспардонно ощупывают.

— Ты в отличной форме, — Линвану это безумно нравилось. — А твои мышцы тоже пахнут персиком?

— Я не для тебя их качал! — Жунмянь хотел было расцарапать ему лицо, но, коснувшись его щеки пальцами, передумал.

В конце концов, Линван был чертовски хорош собой. Испортит ему лицо — самому же потом плакать.

Темные глаза Линвана смотрели на него в упор. Он перехватил руку Жунмяня, поднес к губам и, не отрывая взгляда, начал медленно прикусывать пальцы.

Один, второй, третий... Жунмянь почувствовал, как голова идет кругом.

Ему казалось, что пальцы сейчас просто откусят.

Затем Линван задрал край его футболки и прижался губами к животу.

У Жунмяня был крепкий пресс, мышцы которого едва заметно подрагивали в такт дыханию. Линван обхватил его ладонями за талию, фиксируя в одном положении.

«Не двигайся, иначе...»

Дыхание Линвана участилось, кончик языка дразняще коснулся кожи, нос задевал живот.

Он чувствовал, как напряжено тело Жунмяня и каким обжигающим стал воздух между ними.

...

Когда пятидневный гон подошел к концу, Жунмянь проснулся и обнаружил на столе завтрак. Линван принес свежавыжатый клубничный сок и поставил рядом с ним.

— От тебя больше не пахнет алкоголем, — заметил Жунмянь. Его толерантность к «спиртному» за эти дни заметно выросла.

Первые пару дней голова постоянно кружилась, но адаптивные способности взяли свое, и к пятому дню он привык к этому запаху.

В конце концов, Жунмянь понимал, что, возможно, ему придется вдыхать его всю жизнь, так что лучше привыкнуть пораньше.

— Мой гон закончился, — улыбнулся Линван. — Прости, что доставил хлопот.

Жунмянь жевал сэндвич: — Никаких хлопот. Просто в гоне ты совсем другой человек.

— В учебниках по биологии пишут, что альфы в этот период становятся уязвимыми. Я не исключение, — Линван присел рядом.

— Ну не знаю. Мне показалось, что ты стал раза в два сильнее, — возразил Жунмянь, вспомнив хватку Линвана.

— Вот как? — Линван замер. — Вообще-то я всегда был сильным. С детства тренировался.

Жунмянь усмехнулся: — Скажи ты, что в детстве на ринге дрался — я бы поверил.

Позавтракав, они вышли на улицу. Снег прекратился. Жунмянь водил Линвана по окрестностям: в Башне был даже свой зимний сад, так что пять дней взаперти не были скучными.

В отличие от других омег, Жунмянь не любил шумные вечеринки. Ему было ближе то, что нравится альфам; он умел быть спокойным и терпеливым.

Они дошли до парка с огромным озером, где остатки снега лежали пушистыми шапками.

У Жунмяня было отличное настроение.

— Я взял билет на послезавтра на девять утра. Пора возвращаться на Шестую планету, — осторожно произнес Линван.

Сегодня из дома снова пришло напоминание.

— Так скоро? Мы провели вместе столько времени, но мне всё равно мало, — Жунмянь расстроился. Сколько бы они ни были вместе, момент расставания всегда был болезненным.

— Когда начнется семестр, мы снова будем вместе, — Линвану тоже не хотелось уезжать.

— Впереди у нас целая жизнь. Ты ведь пойдешь в армию после выпуска? — прощупывал почву Жунмянь.

Линван ответил без колебаний: — Конечно.

Он уверенно кивнул. Раньше он думал о местечке на Шестой планете, но теперь его целью была карьера на Императорской планете.

Он больше не скрывал своих амбиций. Сюй Линван не хотел, чтобы после свадьбы уровень жизни Жунмяня хоть в чем-то снизился.

Два дня пролетели как один миг. В день отъезда Жунмянь непривычно рано встал, чтобы отвезти его в аэропорт.

— Можешь оставить здесь часть вещей. Эта гостевая комната теперь закреплена за тобой, других сюда селить не буду.

Дом у Жунмяня был огромным: четыре гостевых спальни. Одну он решил отдать Сюй Линвану, остальные три оставались для друзей. К тому же это была не единственная его недвижимость,

просто это место он любил за удачное расположение и бывал здесь чаще всего.

— В этот раз не стоит, я и так взял с собой немного, — ответил Линван.

В аэропорту как раз объявили посадку на его рейс. Он крепко обнял Жунмяня и быстро, почти жадно, поцеловал его в губы. — Я полетел.

В душе у Жунмяня разлилась щемящая тоска. Он смотрел на Линвана и не мог насмотреться — в этот миг ему хотелось навсегда оставить его здесь, на Императорской планете. Он проводил взглядом фигуру Линвана, пока тот не скрылся в толпе, и только после этого пошел к машине.

Посадка заняла время. Уже на борту звездолета Линван отправил Жунмяню сообщение, что он на месте. Лететь до Шестой планеты предстояло четыре часа. Чтобы скоротать время, Линван открыл на браслете книгу.

— Сюй Линван? Ты тоже сегодня возвращаешься?

Линван, глубоко погружившийся в чтение, вздрогнул от неожиданности. Рядом стоял Ся Юй, его лицо светилось радостью.

— А, привет. Да, сегодня, — с улыбкой кивнул Линван.

— Какое совпадение! А я думал, ты уже давно дома. Я целую неделю зависал на Императорской с соседями по комнате, пока родители не оборвали мне весь браслет, — пожаловался Ся Юй.

— Здорово, когда есть время потусоваться с друзьями, — вежливо отозвался Линван.

Ся Юй укрыл ноги пледом. Он почувствовал, что Линван не настроен обсуждать подробности своей недели, и втайне расстроился. Они учились в одной школе, оба поступили в Федеральный университет: Ся Юй на медика, Линван на командный. Он надеялся, что это «особая связь», но не прошло и года, как Линван начал встречаться с Чу Жунмянем. Против такого авторитета и такой семьи, как у Чу, у Ся Юя не было шансов. Даже при том, что его отец был главой Шестой планеты, против судьбы (и связей маршала) не попрешь.

Линван и не догадывался о его терзаниях. Спустя три часа полета его браслет завибрировал.

Жунмянь: «Я приехал домой и завалился досыпать. Тетя Хун уже колдует на кухне, отец снова требует рыбу, а я её терпеть не могу».

Линван невольно улыбнулся. Жунмянь: [Фото] «Старик опять засел за чай».

На снимке был запечатлен красивый мужчина с черными волосами и синими глазами. Высокая переносица, четкий контур челюсти, тонкие губы. Он сидел на диване в домашнем, но элегантном виде и сосредоточенно изучал карту. Его палец замер на одной из точек; от всей его позы веяло врожденным спокойствием и абсолютной властью.

Линван: «...» «И это ты называешь стариком? Да он выглядит как твой старший брат».

Маршал Чу почувствовал, что сын его снимает. Он поднял голову и с напускным безразличием спросил: — Зачем ты меня фотографируешь? Для Сэбэля?

— Да смотрю, какой ты несобранный, решил запечатлеть для истории, — фыркнул Жунмянь.

Маршал обиделся: — Мог бы и комплимент сделать. Сам вечно перед зеркалом крутишься, знаешь, что красивый, а признать, что я тоже ничего — гордость не позволяет?

— Вообще-то мне больше нравятся мои золотые волосы и губы, — парировал Жунмянь. (Это были черты, доставшиеся ему от Сэбэля).

Маршал решил не спорить.

— Пап, а ты знал, что есть люди, которые тоже любят чай и обожают военную аналитику? — Жунмянь подсел поближе. Отец бросил на него мимолетный взгляд, не собираясь поддаваться на провокацию. — Вечно первый в рейтингах, лучший в системе... Откуда берутся такие умники? — Жунмянь начал откровенно нахваливать своего альфу. — Красавец, S-ранг, гений стратегии. Мне кажется, он покруче некоторых в их молодые годы.

Маршал отложил карту.

— Он тебе просто голову вскружил.

— Я абсолютно вменяем. Это ты у нас в облаках витаешь. Ладно, строй из себя недотрогу, всё равно скоро поймешь, какой он идеальный зять.

— Вы уже о свадьбе заговорили? — Маршал мгновенно вычленил главное.

— У нас серьезные отношения с прицелом на будущее, — бросил Жунмянь и ушел на кухню за фруктами.

— Скоро четвертый курс, пойдешь на стажировку в министерство, чувства подостынут. Когда страсти улягутся, ты начнешь смотреть на вещи трезвее, — наставительно произнес Маршал.

— Ничего не слышу! — Жунмянь запихнул отцу в рот кусок питахайя, чтобы тот замолчал.

Маршал: «...»

Тем временем на борту звездолета у Линвана совсем пропал аппетит. Когда мимо проезжала тележка с едой, Ся Юй взял себе рис с карри и газировку, а Линван отказался. Внезапно в бизнес-классе произошло движение. Холеный мужчина в дорогом костюме буквально рухнул на пол, вцепившись в руку бортпроводницы: — Спасите меня! Я сотрудник правительства!

Стюардесса перепугалась: — Сэр, сэр, что с вами? Вам плохо?

Тут же подошел молодой человек в кэжуал-одежде, выглядевший как обычный студент. Он мягко улыбнулся экипажу: — Простите, у моего дяди опять приступ, он иногда бредит. Напугал вас, извините.

Пассажиры начали переглядываться, в глазах зажегся огонек любопытства к чужой драме. Линван заметил, что у мужчины в костюме, которого удерживал «племянник», лоб мгновенно покрылся испариной. Его руки дрожали, а взгляд, устремленный на стюардессу, был полон отчаяния и мольбы. Молодой человек довольно грубо толкнул мужчину обратно в кресло, словно тот был не родственником, а испорченным товаром.

Этот эпизод быстро забылся остальными. Соседи Линвана спереди ворчали: — Если дядя больной, зачем его тащить на рейс? А если бы он в полете буйным стал?

— И не говори, жуткое зрелище.

Линван летел прямым рейсом из Императорской на Шестую планету без пересадок. Он выбрал его, чтобы сэкономить время. Если тот мужчина — госслужащий, то он из центрального аппарата. Но сейчас не время отпусков, сегодня понедельник. Что чиновнику из столицы делать на Шестой планете? Чутье подсказывало Линвану: пахнет бедой.

<http://bllate.org/book/16059/1442571>